

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40

ПЕЧАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ О МИТРОПОЛИТЕ ИСИДОРЕ

Володихин Д. М.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проведен анализ современной историографической ситуации в изучении времени Ферраро-Флорентийской унии и фигуры митрополита Исидора на примере монографии С. Ю. Акишина «Митрополит Исидор Киевский». Целью исследования была оценка с позиций реальной истории современных попыток переосмысления деятельности Исидора в направлении реабилитации его образа, отказа от традиционной маркировки в качестве изменника православия и поборника унии. Ключевым методом анализа являлось соотнесение историографических характеристик с признанной фактологической канвой истории пятнадцатого столетия. Результатом исследования явился авторский вывод о недостаточности оснований снятия с Исидора обвинений в «продавливании» унии. Теоретическая значимость представленной статьи определяется проведением конфликтной дифференциации между сторонниками униатских преобразований в пользу Запада и приверженцами православной идентичности, что является и ключом к анализу современных вызовов развития Церкви.

Ключевые слова: православие, митрополит Исидор, церковная уния, Римский папа, Московская Русь.

SAD REFLECTIONS ON A BOOK ABOUT METROPOLITAN ISIDORE

D. Volodikhin

*Lomonosov Moscow State University¹
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. In the present article, I analyse the modern historiographic situation concerning the period of the Ferraro-Florentine Union and the figure of Metropolitan Isidore using the materials of S. Yu. Akishin's monograph "Metropolitan Isidore of Kiev". The aim of the study was to assess the modern attempts to rethink the activities of Isidor from the standpoint of real history. These attempts are aimed at rehabilitating his image, rejecting his traditional image as a traitor to Orthodoxy and an advocate of the Union. The key method of analysis was the correlation of historiographic characteristics with the recognized facts of the fifteenth century's history. It is concluded that the grounds for withdrawing charges against Isidor as "pushing through" the Union are insufficient. The theoretical contribution of this article is the distinction between supporters of Uniate transformations in the favour of the West and the adherents of Orthodox identity. This differentiation is the key to the analysis of contemporary challenges in the development of the Church.

Keywords: orthodoxy, metropolitan Isidore, ecumenical union, Roman Pope, Moscow Russia.

Постепенное введение унии Православной Церкви с папским престолом при поздних Палеологах было процессом, который начался еще при Михаиле VIII (1259–1282 гг.) и завершился незадолго до крушения Империи под ударами турок [5]. Этот процесс имел влияния на дела Православной Церкви далеко за пределами Империи, с середины XIV столетия уже не имевшей ни статуса великой державы, ни даже статуса крупной державы регионального уровня, и к тому же многократно сократившейся территориально [7, с. 138–140]. Решения, принятые в Константинополе, Ферраре и Флоренции, вызвали очень серьезные последствия во всем мире Православного Востока, включая Русь [3, с. 153–158]. Одним из творцов унии стал митрополит Исидор, пытавшийся ввести унию в Московском княжестве, но изгнанный оттуда [2, с. 142–143].

Традиционная точка зрения Русской Православной Церкви на Исидора заключается в том, что эта личность признается виновной в тяжелом вероисповедном отступничестве [6, с. 95–96]. Именно действия Исидора положили начало недоверию русской иерархии к церковному Константинополю, именно они вынудили, в частности, Русскую Церковь ко введению автокефалии [4, с. 68–69].

Однако в современной историко-церковной литературе появилось издание, претендующее на ревизию этой традиционной, давно устоявшейся точки зрения. Автор книги, которая позиционируется как научная монография, С. Ю. Акишин, стремится привести своих читателей к мысли о том, что Исидор – фигура то ли недопонятая, то ли вовсе неправильно

понятая, и к этой фигуре следует относиться иначе – внимательнее и, в какой-то степени, мягче.

Хороший биограф должен хоть немного «влюбиться» в персонажа, которого он «портретирует». Во всяком случае, именно через «вживание» в личность человека, посетившего сей мир многие века назад, легче всего научиться пониманию его глубинных надежд, страхов и моделей жизненной стратегии. А это, в идеале, предполагает весьма трудную работу интеллекта и души: биограф какое-то время живет чувствами исторической личности, учится мыслить, как мыслил его герой, проникается его стереотипами.

Но всё это хорошо до поры до времени. В какой-то момент необходимо «расцепиться» с сознанием персонажа и отстраненно оценить полученный опыт в контексте достоверно известных слов его и поступков. В противном случае биография будет написана слишком уж комплиментарно, а то и вовсе, что называется, через «розовые очки».

Сопереживание исторической личности – всего лишь инструмент биографа, оно не имеет самостоятельной ценности.

В книге С. Ю. Акишина этот принцип – «вовремя расцепиться», как представляется, оказался нарушенным. Отсюда происходит странное, двойственное впечатление, которое производит эта книга.

С одной стороны, нельзя не признать ее полезности как для специалистов по истории Церкви и Руси, так и для любителей историко-просветительского чтения. Ценность издания – именно просветительская. Притом громадное значение фигуры Исидо-

ра, не только главы Русской церкви на протяжении нескольких лет в 1430-х годах, но и персоны, оказавшей самое отрицательное влияние на отношения между церковным Константинополем и Москвой, придает работе С. Ю. Акишина особенный интерес. Нельзя не признать, что автор собрал колоссальный объем сведений о жизни, мировидении, литературных и богословских трудах митрополита Исидора. Замечательное по своей полноте собрание фактов и текстов (в книге приводятся переводы семи произведений Исидора) еще послужит историкам хорошим подспорьем в изучении сюжетов, связанных с его жизнью и деятельностью.

С этой точки зрения С. Ю. Акишина можно лишь благодарить. Как просветитель, он сделал поистине большое дело.

Но далеко не столь хорошо обстоят дела с содержательной частью книги. По всей видимости, автор поддался очарованию столь сильного, изощренного и энергичного интеллектуала, каким был Исидор, и, в какой-то степени, занялся оправданием его деятельности, самой неблагоприятной в отношении Православной церкви. Имеется в виду та лихорадочная активность, с которой Исидор продвигал дело унии между католической и православными церквями за счет унижения Православного Востока, за счет выкручивания рук и неправдивых обещаний масштабной военной помощи против турок-османов. Исидор выступает, в данном случае, как антигерой по отношению к Православию.

Автор сам признает, что уже на Базельском соборе, летом 1434 г., Исидор в одной из своих речей сознательно идет на «некоторый компромисс»,

поскольку он «несколько принижает Византийскую Церковь, словно говоря, что есть некая полнота Церкви, от которой византийцы могли отделиться» [1, с. 64].

Что же касается Ферраро-Флорентийского Собора и последующих попыток утвердить унию сначала на Руси, а затем в Константинополе, то там Исидор, – следовало бы назвать вещи своими именами, вел себя как отступник.

Но С. Ю. Акишину милее более мягкие, более расплывчатые формулировки. Отступник от веры – это ведь слишком страшно, слишком грубо... Стремление автора острые вопросы «скруглить», показывая Исидора в лучшем свете, имеют тенденцию приводить не к новому пониманию роли этой личности в истории, а к запутыванию простых, ясных вещей.

Так, например, С. Ю. Акишин отмечает: «Во время Ферраро-Флорентийского Собора полноценно и красноречиво проявилась терпимость Исидора по отношению к латинянам... Сложно сказать, что для Исидора играло первостепенное значение в заключении унии: радел ли он об утраченном единстве христианского мира, или его жгучее желание соединиться с латинянами любой ценой для получения военной помощи Византийской империи против турецкого нашествия было продиктовано его исключительным патриотизмом и нежеланием гибели Родины. Если принимать во внимание, что Исидор находился в особой связи с монархией и мог последовательно проводить проуниатскую политику византийского императора Иоанна VIII Палеолога, невзирая на какие-либо ограничения, связанные с вероучительными вопросами» [1, с. 130].

Несколько раньше автор выражал уверенность в том, что сознание митрополита Исидора «...отказывалось принимать отчуждение Востока и Запада за нормальное состояние христианского мира», поэтому Исидор «прилагал все силы для преодоления этого исторически сложившегося разделения» [1, с. 70]. Но когда доходит до дела, политические аспекты и едва ли не финансовые (Рим дал Исидору не только кардинальскую шапку, но и незаурядные доходы, позволившие ему вести жизнь состоятельного человека) оказываются на первом плане, а благородная печаль от отчуждения христианского Запада от христианского Востока становится под сомнение. Автор сам же, пусть и в предельно вежливой форме, сообщает читателям: возможно, не она играла роль первой скрипки в оркестре причин, толкавших Исидора к самоабзаемому «продавливанию» унии. А «терпим» Исидор к латинянам оказался до такой степени, что сдал им всё, чего только они ни потребовали, призывая к тому же и своих единоверцев, даже участвуя в организации нажима на участников православной делегации на Ферраро-Флорентийском Соборе. Автор, в частности, отмечает, по обыкновению, «скругляя» острое: «Примерно с весны 1439 г. и вплоть до подписания унии он (Исидор. – Д.В.) вместе с... Виссарионом Никейским, предпринял ряд практических действий, направленных на склонение православного духовенства к унии, благодаря чему объединение было достигнуто, правда, в ущерб чистоте православной веры» [1, с. 249]. Звучат как: «Жаль, но что поделаешь».

Можно ли подобное поведение называть всего лишь «терпимостью»? Скажем так: на совести автора.

Стоит повнимательнее взглянуть на «патриотизм» Исидора и его, как выразился С. Ю. Акишин, «особую связь с монархией». Последняя выражается в том, что Исидора ряд исследователей причисляет (по косвенным признакам, без прямого и ясного подтверждения, но все же довольно веско) к одной из боковых ветвей династического древа Палеологов либо к числу незаконнорожденных потомков одного из значнейших Палеологов. Таким образом, возможно, цель династии – сохранить власть над остатками «Греческого царства» – одновременно и его цель, его дело. Между тем автор ясно пишет об императоре Иоанне VIII, главе дома Палеологов: «Ему, как правителю Византийской империи, соединение или уния была нужна любой ценой. И здесь для него было не так важно сохранение чистоты православной веры, но его волновала судьба Империи» [1, с. 96].

Вот она и суть вопроса: сохранение чистоты веры – не так важно.

Что такое «патриотизм» Исидора с этой точки зрения? Желание сберечь остатки когда-то великой державы от нашествия турок-османов и оставить их под скипетром Палеологов. Желание, конечно же, благое, однако, думается, не любую цену уместно было платить за его исполнение.

Автор выражает полнейшую уверенность: «У погибавшей Империи не было сил, чтобы самостоятельно бороться со столь могущественным врагом, поражающим своей силой, как турки-османы, и в этих условиях единственным выходом из сложившейся ситуации было решение искать военной помощи западных государств. Поскольку эти государства в подавляющем своем большинстве были

под омофором Римского епископа, то византийцам представлялось, что единство с Западной Церковью может иметь большие перспективы» [1, с. 58].

Но так ли это? Не слишком ли далеко идет автор за своим персонажем, не слишком ли во многом некритично соглашается с ним?

Во-первых, нельзя сказать, чтобы курс религиозной политики, взятый Палеологами, являлся совершенно безальтернативным. Даже некоторые государи, принадлежащие к этой династии, отступали от него (Андроник II) или хотя бы придерживали его развитие в рамках разумного. Если же обратиться к опыту предыдущей династии, – Ласкарей, свергнутых Палеологами, то они, находясь в отчаянном положении, вели принципиально иную политику, но сумели решить задачи сбережения государства, которые стояли перед ними даже более остро, нежели перед их преемниками. В начале XIII в. Константинопольская империя рухнула под ударами латинян и рассыпалась на несколько частей; столица ее оказалась под властью западноевропейских рыцарей. Ласкари имели в своем распоряжении намного более скудный ресурс (и территориально, и по населению), чем – впоследствии – Палеологи. Но они предпочли сделать ставку на национально-религиозное возрождение, а не на конфессиональное капитулянтство. В итоге Ласкарям удалось создать могущественную державу, успешно противостоявшую и туркам, и латинянам. Ласкари также обеспечили возвращение статуса имперской столицы поработанному Константинополю.

Палеологи добивались того же, но они не умели развивать экономическую

и демографическую мощь собственного народа, и лишь поэтому возложили упования на помощь «коллективного Запада» с Римом, как духовным лидером, во главе. Подобная перемена в политике не только не была «единственным выходом», но и в целом основывалась на ложной предпосылке, что Рим, а с ним и западные короли, захотят спасти Константинополь. Более того, даже и пожелав оказать столице Империи помощь, западноевропейские монархи с папством вряд ли имели такую возможность. Время крестовых походов прошло. Европу раздирали противоречия, распри, междоусобные войны. Авторитет папского престола упал. Так что уместно словами Гоголя произнести над могилой палеологовских надежд и упований самого Исидора жестокую эпитафию: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»

Папа Евгений IV обещал за унию, среди прочего, прислать императору на полгода 20 галер, снаряженных на его счет, а также позаботиться о приглашении европейских государей с сухопутными войсками на помощь Константинополю. Автор книги, кстати, приводит эти сведения. Но... уния состоялась, 20 галер не пришли, ни один западноевропейский государь не явился под стены имперской столицы, чтобы спасти ее от турок. Помощь папского престола, практическое оказание которой было возложено лично на Исидора, ограничилась наймом нескольких сотен бойцов.

Следовательно, весь план Палеологов и их союзника Исидора изначально основывался не только на, мягко говоря, конфессиональной «гибкости», но и на недостатке стратегического мышления, т.е. на скверном расчете.

Упорство нескольких монархов палеологовской династии, а вместе с ними Исидора Киевского и Виссариона Никейского, в следовании проуниатской политике в значительной степени разрушило единство поздневизантийского социума, т.е. подорвало силы, необходимые для сопротивления туркам. Возможно, именно разрыв между верхушкой общества и его корневой массой оказался главным фактором гибели Империи. Ведь у государств, помимо земного бытия, есть еще и небесное предназначение. Империя в расцвете своей судьбы отличалась от прочих государств Европы высокой культурой, развитым до изысканности ремеслом, военной мощью и совершенством правовой системы, однако всё это были производные от того драгоценного вина, которое хранилось в сосуде ее державных стен, – вероисповедной истины, т.е. ортодоксального христианства. И вот несколько просвещенных патриотов, гуманистов и утонченных интеллектуалов решили выплеснуть вино ради сохранения сосуда...

Да умно ли было сохранять его ради внутренней пустоты? Умно ли было отвернуться от небесного, возлюбив земное?

Идейная позиция, занятая автором книги, время от времени лишает его беспристрастности в вопросах исследовательского метода, а это уже совсем скверно для научного издания.

Так, например, С. Ю. Акишин трактует информационную ценность русских источников по истории судьбы митрополита Исидора весьма критически. По его словам, «Русские источники и сказания о Флорентийском Соборе также имеют некоторое

(правда, второстепенное) значение для реконструкции биографии митрополита Исидора. В работе нами были использованы только несколько источников этого типа – Никоновская, Вологодско-Пермская, Густынская, Софийская, Псковская, Ермолинская и Новгородская летописи, Московский летописный свод конца XV в., летопись по Воскресенскому списку и «Хождение на Флорентийский Собор» в первоначальной редакции, изданной Н. А. Казаковой. Авторы этих сочинений, как и вообще все русские источники по истории Руси XV в., весьма тенденциозно относятся к митрополиту Исидору и поэтому излагают события скупно и не всегда, как кажется, точно. Кроме того, большинство этих сочинений написано после подписания Флорентийской унии и ее неприятия в России, отчего на главное действующее лицо Ферраро-Флорентийского Собора – митрополита Исидора – русские авторы смотрели исключительно негативно, что далеко не способствовало объективному взгляду на его личность» [1, с. 28–29].

Многое из сказанного, мягко говоря, – вне науки.

Начнем с «мелочей». Какая это «Софийская летопись»? И какая «Новгородская летопись», «Псковская летопись»? Не существует вообще-Софийской, вообще-Новгородской и вообще-Псковской летописей, поскольку все софийские, новгородские и псковские летописи изданы и фигурируют в научной литературе под номерами. Например: 4-я Новгородская, 3-я Псковская, 2-я Софийская. Похоже, автор просто не дал себе труда разобраться с собственными источниками, на которые он ссылается.

Выражения типа «В работе нами было использовано только несколько источников этого типа...» – ставят в тупик. Какого типа? Русские? Летописные? И что значит «только несколько»? Девять огромных летописных сводов, содержащих самую обширную информацию о действиях Исидора на Руси, – это и значит «только несколько». И это в равной мере значит, что автор, низко оценив значимость русских источников для воссоздания биографии Исидора, все же не мог без них обходиться и должен был широко использовать их, поскольку никаких других источников по значительным периодам в судьбе Исидора¹ просто нет.

В действительности же, если приглядеться к тому, как написаны «русские параграфы» в монографии С. Ю. Акишина, станет ясно, что им использовались в первую очередь вообще не источники, а литература, созданная предшественниками автора по данному вопросу, притом литература, ... опирающаяся, главным образом, всё на те же русские источники, т.е., прежде всего, летописи.

Как же это русские источники оказались второстепенными, если вне контекста летописей в принципе невозможно реконструировать многомесячные периоды в жизни Исидора, проведенные на Руси, в частности, в Москве? Несколько лукавил тут автор, поскольку отношение к Исидору в русских летописях и впрямь самое недоброжелательное. Ну так ведь и поделом – он принес унию, т.е. отступничество от веры.

¹ Имеются в виду период пребывания Исидора на митрополичьей кафедре до отъезда на Ферраро-Флорентийский Собор, а также пребывание в Москве после возвращения с Собора.

И тут возникает более серьезный вопрос: если, по мнению автора, русские источники тенденциозны, а сам факт их создания после того, как Московская Русь во главе с великим князем Василием II отвергла унию, дурно влияет на объективность их создателей при обращении к образу Исидора, резонно было бы предположить, что существуют некие источники, которые «объективны» (надо понимать: «доброжелательны») к Исидору, и их свидетельствами опровергается нечто важное в «показаниях» русских источников. Иначе говоря, что автору ведомо, как относились к Исидору на Руси, какие поступки он совершал и как вел себя при этом, из неких объективных, точных в изложении и нетенденциозных источников. Но где они? Может ли автор их предъявить? Нет ли в его монографии соответствующих ссылок? Нет, ничего нет. Есть только одно желание С. Ю. Акишина вызвать у своей аудитории благосклонное отношение к Исидору. Потому и выходит, что источники виноваты, а Исидор светел – исходя из одних лишь авторских предпочтений.

С этой точки зрения приходится констатировать, что сама работа С. Ю. Акишина, несмотря на все ее достоинства просветительского характера, написана тенденциозно; автор не сумел найти достаточно убедительных аргументов, чтобы оправдать Исидора, и проявил своего рода наивность, «скругляя» острое в его судьбе. Остается добавить немного: историку, тем более – историку-христианину подобает трезвый взгляд на людей и события прошлого. Очаровавшись крупной исторической личностью, следует заставить себя на какое-то время отло-

жить перо и лишь позднее, по прошествии изрядного времени, вернуться к работе с холодным умом.

Такова специфика нашего ремесла.

Статья поступила в редакцию 03.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2018. 324 с.
2. Борисов Н. С. Русская Церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М.: МГУ, 1986. 207 с.
3. Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 528 с.
4. Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. 408 с.
5. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Ставрополь: Кавказский край. 1993. 416 с.
6. Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV – XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука. 1991. 396 с.
7. Тальберг Н. История Русской Церкви. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 528 с.

REFERENCES

1. Akishin S. Yu. *Mitropolit Isidor Kiyevskiy* [Metropolitan Isidore of Kiev] (1385/1390–1463). Yekaterinburg, Yekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya Publ., 2018. 324 p.
2. Borisov N. S. *Russkaya Tserkov' v politicheskoy bor'be XIV–XV vekov* [The Russian Church in the Political Struggle of the 14th – 15th centuries]. Moscow, MGU Publ., 1986. 207 p.
3. Ioann (Snychev), Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. *Samoderzhaviye dukha: Ocherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Consciousness]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2007. 528 p.
4. Pospelovskiy D. V. *Pravoslavnaya Tserkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR* [The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR]. Moscow, Bibleysko-Bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 1996. 408 p.
5. Pushkarev S. G. *Obzor russkoy istorii* [Overview of Russian history]. Stavropol, Kavkazskiy kray Publ., 1993. 416 p.
6. Skrynnikov R. G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv. Podvizhniki russkoy tserkvi* [The State and the Church in Russia of the XIV–XVI centuries. Ascetics of the Russian church]. Novosibirsk, Nauka, 1991. 396 p.
7. Tal'berg N. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr, 1994. 528 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: volodih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy M. Volodokhin – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: volodih@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Володихин Д. М. Печальные размышления над книгой о митрополите Исидоре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 32–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40

FOR CITATION

Volodokhin D. Sad reflections on a book about metropolitan Isidore. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 32–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-32-40